

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
О ПРАВАХ И СВОБОДАХ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

Д.В. Чалых – канд. юрид. наук
г. Алматы

Исследуются теоретические аспекты толкования отдельных положений Конституции Республики Казахстан о правах и свободах человека и гражданина с группировкой прав и свобод в отдельности по отношению к человеку и гражданину соответственно. Проанализирована юридическая терминология, используемая при регламентации прав личности. Внесены аргументированные предложения по внесению изменений и дополнений в соответствующие нормативные акты.

Ключевые слова: Конституция; субъективные права и свободы; действующее право; гражданство.

Конституция Республика Казахстан 1995 г. значительно расширила перечень прав и свобод человека и гражданина, усилила гарантии их обеспечения и механизмы защиты. Благодаря этим конституционным положениям произошли определенные положительные изменения в сторону улучшения в сфере обеспечения прав личности.

Как известно, процесс правоприменения тесно связан с процессом толкования правовых норм, и, в зависимости от того, как будут истолкованы уполномоченными правоприменителями те или иные нормы права, зависит не только принятие законного, справедливого решения, но и степень защищенности гарантированных Основным законом страны субъективных прав индивида.

В связи с этим, актуально задуматься над отдельными, не совсем корректными, с точки зрения точности определения, нормативными положениями Конституции Республики Казахстан в сфере прав и свобод человека и гражданина, осуществить попытку их юридического толкования и сделать конкретные предложе-

ния по изменению их формы изложения, либо уточнения.

Так, касаясь прав индивида, юридическая наука оперирует рядом смежных понятий. В одних случаях она использует термин “*права человека*”, в других – “*права гражданина, права иностранцев и лиц без гражданства*”. В последнее время многие конституции стали говорить о правах человека и гражданина. По словам Н.А. Шайкенова, «словосочетание “права человека” (а, скажем, не личности) наводит на мысль, что оно несет, главным образом, общегуманистическую нагрузку, юридически выделяя “человеческую”, родовую сущность потребностей и интересов членов общества. Целью прав человека является обеспечение первичных предпосылок достойного человеческого существования, человеческого общежития. В этом смысле они первичны и элементарны, а потому и всеобщи, независимы от национальных и межнациональных границ» [1].

Объединение же прав человека с правами гражданина, рассмотрение их под углом зрения возможности совместного регулирования

актами конституционного законодательства имеет определенный смысл. Хотя права человека не тождественны с правами гражданина, но они взаимосвязаны [2]. В необходимых же случаях конституционный законодатель проводит дифференциацию названных понятий, вкладывая в них разный смысл в зависимости от конкретных обстоятельств и условий. Как замечает С.К. Амандыкова, признание нашей Конституцией прав человека означает признание конституционной доктриной Казахстана естественных прав, носящих неотъемлемый характер [3].

Существенное значение имеет классификация конституционных прав с группировкой на права человека и права гражданина. При этом предполагается, что последние принадлежат только гражданам Республики Казахстан, в то время как права человека не детерминируются гражданством. При этом некоторые права получили в Конституции оценку, не соответствующую их реальному правовому статусу. Так, в ст. 26 Конституции Республики Казахстан право иметь в собственности любое законно приобретенное имущество отнесено не к правам человека, а к правам гражданина, хотя иностранные граждане не имеют существенных правовых ограничений, связанных с владением имуществом. По нашему мнению, данная конституционно-правовая норма требует своей корректировки.

В то же время использование современными конституциями синтетической формулы “права человека и гражданина” – это результат усиливающегося сочетания внутригосударственного регулирования статуса индивида с регулированием международно-правовым. В силу значительного сближения и даже переплетения эти два вида регулирования неизбежно вынуждены во многих случаях ставить на один уровень являющиеся предметом их закрепления права человека и права гражданина, хотя это, конечно, никак не снимает проблему их различия [4]. Факты распространения прав граждан на неграждан приводит А.К. Котов: «По Конституции теперь целостный комплекс прав и свобод, в т.ч. право на неприкосновенность частной жизни, свободу объединений и на участие в управлении делами государства, открывает значительные возможности для самореализации личности (см. ст. 13–33) не только его гражданам, но и человеку вообще. Но формула о правах человека и гражданина не означает, что входящее в нее понятие “права человека” – то же самое, что и понятие “права гражданина”» [5].

В теоретическом плане следует разграничивать: а) конституционные права и свободы; б) права, закрепленные текущим законодательством; в) субъективные права. Права, закрепленные в Конституции, и права, не нашедшие закрепления в ней, в целом имеют одинаковую юридическую природу. Они являются мерой дозволенного поведения, установленной государством для неопределенного круга лиц. В отличие от них субъективные права, во-первых, возникают в конкурентном правоотношении; во-вторых, у конкретных лиц, в-третьих, им соответствуют встречные обязанности других участников правовых отношений. В правах, закрепленных в Конституции и текущем законодательстве, субъекты прав и обязанностей не конкретизированы и определяются родовыми понятиями – “гражданин”, “депутат”, “избирательная комиссия” и т.д.

Способность иметь права и обязанности именуется правоспособностью. Человек может отказаться от принадлежащего ему конкретного субъективного права – например, передать право собственности на конкретную вещь третьему лицу путем ее продажи, дарения. Однако он не может отказаться от права иметь имущество или от права заниматься определенными видами деятельности (например, предпринимательской). Всекие соглашения, ограничивающие правоспособность, не имеют юридической силы и являются ничтожными.

Вряд ли правомерно утверждение о том, что конституционные права и свободы выражают отношения и связи граждан с государством, где одной из сторон всегда является государство в целом, либо государственный орган, либо иной представитель государства. Еще большей категоричностью страдает утверждение, что подобный субъективный состав в других отраслях права исключительно редок. В административном праве одним из участников правовых отношений всегда является исполнительный орган или наделенный властными полномочиями служащий.

С проблемой разграничения режима конституционных и иных прав граждан напрямую связаны некоторые теоретические и практические вопросы.

Первое, должны ли все права граждан вытекать из конституционных прав и возможны ли права, не имеющие конституционной предпосылки? Мы полагаем, что на этот вопрос следует ответить положительно. Например, право иметь фамилию, имя, отчество и изменять их в установленном законом порядке не имеет конститу-

ционных аналогов. Не имеют его и другие права граждан.

Второе, в каких нормативных актах могут быть закреплены права человека? В законодательстве нет прямых ограничений и, следовательно, принять нормативный акт, уполномочивающий определенные категории людей, может любой государственный орган, обладающий нормотворческой компетенцией.

Третье, должны ли понятия “права” и “свободы” употребляться как синонимы? Анализ содержания раздела II Конституции Республики Казахстан показывает, что, как правило, закрепляемому “праву” соответствует корреспондируемая обязанность другого лица, в то время как “свобода” реализуется действиями самого управомоченного субъекта и не связана с осуществлением каких-либо действий со стороны других лиц. Так, право на получение квалифицированной юридической помощи, и в отдельных случаях бесплатно (п. 3 ст. 13 Конституции РК), предполагает обязанность соответствующих государственных органов предоставить ее в полном объеме гражданину, в то время как свобода труда (ст. 24 Конституции РК) не предполагает чьей-либо обязанности обеспечить человека рабочим местом. Точно также не нуждается во втором участнике правоотношений свобода предпринимательской деятельности. Однако иногда эти свободы и права граждан смешиваются и законодатель употребляет сочетания “право на свободу” или “право свободно” что-либо делать, например: право на личную свободу, право сво-

бодного передвижения и свободного выбора места жительства. Подобные формулировки чаще всего тяготеют не к праву с его встречной обязанностью, а к свободе, для реализации которой не требуется обязательное участие третьих лиц. Реже встречаются случаи, когда в одностороннем порядке реализуется не свобода, а право – например, право распространять информацию. Используемая в Конституции 1995 г. терминология нуждается в унификации. Полагаем, что данный коллизионный вопрос должен быть решен посредством правотворческого процесса при использовании потенциала законотворческой деятельности органов государства и общества.

Литература

1. *Шайкенов Н.А.* Правовое обеспечение интересов личности. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1990. – С. 160–161.
2. Толковый словарь Конституции Республики Казахстан – Алматы: Жеті Жарғы, 1996. – С. 77–78.
3. *Амандыкова С.К.* Становление доктрины конституционализма в Казахстане. – Караганда: Изд. КарГУ, 2002. – С. 360.
4. *Баймаханов М., Баймаханова Д.* Права человека как объект изучения юридической науки // Правовая реформа в Казахстане. – 2003. – №3(21). – С. 111–117.
5. *Котов А.К.* Конституционализм в Казахстане: опыт становления и эффективность механизма власти. – Алматы: Изд. КазГЮА, 2000. – С. 36.